

УДК 398.1+398.223+398.224+398.87+394.912

А.А. ЛЮЦИДАРСКАЯ

**ТОЛМАЧИ В СИБИРИ.
ПЕРИОД НАЧАЛА КОЛОНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИИ***Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: lucid@archaeology.nsc.ru

В статье впервые поднимается проблема обеспечения языкового общения в полиэтничной Сибири XVII–XVIII в. Переводчики, толмачи являлись неперенным условием коммуникации.

Ключевые слова: колонизация, диалог, контингент толмачей, коренные народы Сибири.

Сибирь изначально представляла собой полиэтничный регион, где каждый этнос был ориентирован на свои складывавшиеся веками культурные традиции. По мере вхождения сибирских территорий под эгиду русской государственности этническая разнородность населения Сибири еще более увеличивалась. Коммуникативные действия самых разных уровней требовали преодоления языкового барьера на пути установления взаимопонимания. Несмотря на различие, а порой и диаметрально противоположные представления о миропорядке, колонистам необходимо было искать и находить компромиссы с аборигенами края. Царское правительство было заинтересовано в пополнении казны за счет налогового обложения местного коренного населения. Поэтому необходимо было пресекать возникающие военные конфликты, «объясачивать» аборигенов путем заключения договорных отношений и всячески поощрять установление стабильности в отдельных регионах. Для решения этих и иных проблем требовалось элементарное языковое общение.

К XVII в. изменился общий культурный фон в глубоко православной России. Надо заметить, что диалог с язычниками вступал в некое противоречие между государственной и церковной идеологией. Чужие языки в допетровское время рассматривались как средства выражения чуждой культуры [1, с. 336–337]. На практике к услугам толмачей обращались постоянно. Расширение границ государства за пределы Уральских гор и установление политических и торговых связей с азиатскими странами, такими как Монголия, Джунгария и Китай, еще больше увеличивали потребность в толмачах как членах посольских групп. Необходимость в толмачах и переводчиках была столь велика, что Посольский приказ имел право призывать на государеву службу любого человека, знавшего иностранный язык [2, с. 16–21].

Столкнувшись с ситуацией «языческого многоголосья» в Сибири, власти активно начали формировать

«штат» толмачей в рядах служилого сословия. Это был надежный способ обеспечивать общение с представителями иных этносов. Надо заметить, что тесные контакты колонистов с местными коренными народами в бесконфликтных зонах само собой приводили к усвоению на бытовом уровне соседствующих языков.

Однако только на толмачей, состоявших на государственной службе, местная администрация могла полагаться в полной мере. На них лежала ответственность за адекватный перевод. Вместе с отрядами казаков толмачи отправлялись в далекие походы, а переводчики при посольских миссиях во многом способствовали успехам переговорного процесса. «Без русского толмача быть нельзя», – писал из очередного похода в 1668 г. сын боярский К. Лошаков якутскому воеводе [3, с. 339].

В сущности, без создания института толмачей-переводчиков в ходе колонизационного процесса не было бы возможным относительно бескровное, в отдельных регионах Сибири, сосуществование разных по культуре этносов. Вполне вероятно, что отсутствием качественного перевода объясняются большие трудности в достижении положительных контактов с народами северо-востока Сибири, поскольку там не было создано условий для переговорного процесса.

Формирование кадров служилых толмачей происходило несколькими путями. Самым простым было отыскать человека, который в результате своих жизненных коллизий знал два языка сибирских аборигенов или более. Чаще всего это касалось языков, относящихся к тюркской языковой группе. В казачьей среде всегда было много татар, в том числе казанских. Попадали в Сибирь и крымские татары. Кузнецкий сын боярский Евтиха Савинов в своей «скаске» сообщал, что отец его выехал «из Крыма» в Москву, затем был прислан в Кузнецкий острог, где служил 30 лет в городских татарских толмачах, а после был назначен головою местных служилых татар [4, с. 284]. Татарам несравненно проще было усваивать схожие по структуре тюркские языки сибирских аборигенов.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН 25.4.7.

Для квалифицированного толмача-переводчика требовалось помимо хорошего знания языка оппонента еще и умение разбираться в сложившейся ситуации. Толмач должен был строго переводить предложенный ему текст и не предлагать своей интерпретации. Именно такими толмачами были люди, осуществляющие переводы при дипломатических миссиях к правителям соседствующих государств или значимых родоплеменных объединений. Такие толмачи были в Сибири «наперечет», они получали высокое жалованье и занимали достойное положение в служилом сообществе. Среднее жалованье служилых толмачей колебалось в зависимости от места службы и наложенных обязанностей от 5 до 7 руб. Кроме того, существовали разного рода «прибавки» к положенному жалованью.

В столице Сибири, Тобольске, была сосредоточена административная управленческая структура, которая осуществляла координацию и связь между городами и острогами. Здесь находились переводчики со многих языков, как европейских, так и азиатских. В главном сибирском городе были сосредоточены военнопленные из регионов Западной и Восточной Европы, пополнявшие ряды служилого сословия. В Тобольске, благодаря развитой торговле, почти постоянно присутствовали бухарцы и иные представители тюркоязычных этносов. Постоянно поддерживалось общение с местными аборигенами. В результате тобольские власти постепенно сформировали условия для перманентного языкового общения – толмачи присутствовали при гарнизоне, городской администрации и гостином дворе. Эта же схема языкового общения с различными вариациями внедрялась и в других населенных пунктах.

Достаточно бесперспективной представляется попытка выделить «русских» толмачей и толмачей аборигенов-«новокрещенов», усвоивших все нормы пребывания среди казачьего контингента Сибири. Проследить родословные или хотя бы места рождения сибирских переводчиков удастся крайне редко.

В Томске с середины XVII в. достаточно известной личностью стал Корнило (Кармашко) Капустин. Известно, что в 1656 г. он был в составе посольства к телеутскому князю Коке, причем К. Капустин играл в этих сложных переговорах далеко не подчиненную роль. Эта поездка была не единственной в биографии Капустина. До 1660-х гг. он числился конным казаком, затем был переведен в городовые толмачи. При этом он не гнушался приторговывать пушниной, причем на весьма значительные суммы. Проживал К. Капустин в Томске своим двором [5, с. 93, 101]¹.

Весьма интересна история томичей Канаевых, которые, судя по материалам Г.-Ф. Миллера, были одними из первых служилых «новокрещенов» и вели свою родословную от сына Кучума – царевича Канаю [6, с. 26–28, 30–31, 156, 165 и др.]. По другой версии, томские Канаевы были родственниками телеутского князя Коки. В любом случае, томские Канаевы вели свою родословную от представителей элиты родоплеменных объединений Сибири. Наиболее известен

служилый Василий Канаев, который в 1650-е гг. занимался активной торговлей с телеутами (калмаками), это может свидетельствовать в пользу родства с Кокой. В. Канаев совмещал служебные поездки с торговыми сделками в роли помощника приказчика купца В. Шорина. Через руки В. Канаева проходили крупные суммы: в 1656/57 г. его торговые операции составили около 100 руб., в 1661 г. он получил от приказчика Шорина на покупку пушнины 400 руб. [5, с. 71]². Эти сведения иллюстрируют, что квалифицированные толмачи при гарнизонах были людьми весьма обеспеченными, так как помимо жалованья имели возможность пополнять свой бюджет иными путями, чаще всего торговлей. По-видимому, Василий Канаев не сразу занял место официального переводчика, сначала он числился просто служилым и лишь к концу XVII в. получил статус толмача. В Томске Василий Канаев имел усадьбу с двумя теплыми избами и многочисленную родню [7, с. 38–39]³.

В этом же ряду служилых толмачей пребывал томский толмач Иван Березкин. Официально переводчиком И. Березкин был «оформлен» лишь к концу XVII в. Вероятнее всего, его дед – служилый Артемий Березкин в 1630-е гг. был членом посольства к Алтынхану, а в 1639 г. повез статейный список в Москву. Еще один ближайший родственник, Григорий Березкин, начавший карьеру в ранге казачьего сына, а затем конного казака, получал прибавку к жалованью за «монгольскую службу». Таким образом, все Березкины были связаны с военно-дипломатической службой. Семейство было хорошо обеспеченным: толмач Иван Березкин имел в Томске двор с двумя теплыми избами, а в усадьбе сотника Петра Григорьевя Березкина к XVIII в. располагалось три отапливаемые избы, что являлось определенной мерой благополучия. Как и большинство служилых соответствующего ранга, Березкины не гнушались спекулировать пушниной и имели угоды в уезде [8, с. 103, 160, 170; 7, с. 8]⁴.

С «мунгальского» языка переводили служилый бухарец, толмач Ермамет и томские же толмачи И. Уланов и Ф. Федоров. Все они были включены в посольскую группу. В 1640-х гг. Ермамет Шагалаков побывал в Джунгарии, Бухаре, Самарканде и Ташкенте, после чего вернулся в Томск. Толмач находился в составе группы казаков, которые посещали указанные места с целью разведки политической обстановки в этом регионе [8, с. 34, 50, 79, 84, 228–230].

Заметными личностями в Томске в XVII в. были Шумиловы. Иван Шумилов служил толмачом при воеводской администрации, к концу XVII в. это был весьма зажиточный хозяин, имел дома в городе и угоды в уезде. В 1660-е гг. «для толмачества» в Монгольские земли ездил в составе посольства его ближайший родственник Василий Шумилов. Впоследствии Шумиловы стали одной из самых обеспеченных семей Томска [3, с. 94]⁵.

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 359. Л. 67, 68, 107; Д. 438. Л. 168.

³ Там же. Д. 1435. Л. 371–417.

⁴ Там же. Д. 979. Л. 356; Д. 1435. Л. 402, 404; Д. 1452. Л. 21 об., 295.

⁵ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371. Л. 88, 241.

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 819. Л. 70; Оп. 1. Д. 251, 438; Д. 1435. Л. 376, 377, 402.

Заслуживает внимание один сюжет, связанный с жизненными коллизиями толмача томской приказной избы Никиты Чуры. Документально известно, что он попал к русским в качестве пленного. Джунгары же считали его свои ясырем (рабом). Когда Чура возвращался из Монгольских земель в составе посольской группы, он был похищен бывшими хозяевами. Крайне интересна позиция самого похищенного толмача. Чура говорил своим похитителям, что «...он человек русской, природный государев холоп» и «...жив у них быть не хочет». Толмач предпочитал смерть возвращению в Джунгарию [9, с. 85]. Подобное состояние Н. Чуры лишний раз свидетельствует о полной адаптации к «казацкому» образу жизни. В результате длительного разбирательства Чура был возвращен и прибыл в Томск.

Ситуация, когда в служилом новокрещене мог быть опознан бывший зависимый от какого-либо государственного или родоплеменного объединения человек, не являлась для Сибири XVII в. чрезвычайной. Однако в данном случае речь шла о члене посольства, поэтому факт похищения приобрел особую окраску. Предполагалось (и в большинстве случаев так и было), что каждый состоящий на царской службе человек независимо от этнической принадлежности считался «государевым человеком», и государство защищало и отстаивало его интересы.

От поведения толмачей в многоязычном регионе зависело многое, именно они могли спровоцировать развитие нежелательных этнических конфликтов. Такие ситуации обычно возникали на начальном этапе колонизации Сибири. В Тюмени в 1596 г. произошло событие, связанное с именем толмача Дмитрия Токманаева, скорее всего новокрещена из местных татар. Он «распускал слух» о том, что в Сибирь скоро придут новые воеводы с указом, подогревая надежды местного аборигенного населения на изменение царской политики по отношению к нему. В грамоте, посвященной поведению толмача, написано: «...толмач Митя своровал, смуту и ссору в служилых людях и ясачных татарах учинил. Татары от его воровства побежали и изменили». Толмач был наказан и посажен в тюрьму, но затем прощен и продолжал выполнять свои обязанности [6, с. 148, 149, 287].

Контингент толмачей часто формировался из числа захваченных ясырей. Подбор толмачей основывался на необходимых условиях: способности к усвоению чужого языка и преданности «новым хозяевам». Ясыря крестили и вводили в состав гарнизона со всеми привилегиями служилого человека. Как правило, прежде чем бывший пленник получал статус толмача, он исполнял ряд вспомогательных обязанностей, например, кашевара и т. п. За это время новоявленный служилый приобщался к субкультуре сибирского казачества.

В данном тексте речь идет о толмачах определенного статуса: состоящих на «государевой» службе при гарнизоне и получавших соответствующее своему положению жалованье. Нехватка квалифицированных толмачей в многоязычном пространстве нередко приводила к тому, что в экономически и «административно» неразвитых регионах Сибири в роли толмачей нередко использовали случайных людей. Не зная в

должной мере языка и не ориентируясь в обстановке, они приносили больше вреда, чем пользы. На периферии, преимущественно в Восточной Сибири, практиковалось использование для переговоров «новокрещенных» казачьих жен, которые имели в своем лексиконе лишь минимум слов для бытового общения [10, с. 200; 3, с. 339]. К практике привлечения случайных людей для толмачества прибегали в XVII в. даже в европейской части страны. Известна царская грамота 1677 г. ядринскому воеводе: «...ходят в низовых городех... для толмачества, всяких чинов многие люди, без нашего великого государя указа, собою, и в уезды ездят...» [11, с. 172].

На северо-востоке Сибири процесс вхождения территорий в состав России шел значительно медленнее и сложнее. Не последнюю роль здесь играло отсутствие адекватного диалога между сторонами. В наказной памяти приказчику Ленского острога упоминается, что для толмачества в 1633 г. была привлечена «яколская жонка Быгея» [10, с. 200]. В отписке якутскому воеводе в 1668 г. сообщалось, что «...толмача русского ламутских языков нет же, и подьячего нет же, писать некому. А ламутских женок у служилых и у промышленных людей много, да еще не надежны, не можно на них надеяться, и без русского толмача быть нельзя» [3, с. 339].

В 1651 г. в отписке якутскому воеводе Д. Фрацбекову по поводу похода в Алазейское зимовье сообщалось, что в качестве переводчика была привлечена юкагирская «женка именем Малья, а та женка ясырка» [12, с. 280]. Подобные действия играли не последнюю роль в том, что такие территории надолго оставались «немирными землицами».

В 1680-е гг. в Селенгинском остроге пытались привлечь к процессу коммуникации с коренным населением казака К. Турчанинова и гулящего человека В. Иванова. В документе прямо сказано, что «толмачили они плохо, много не договаривали» [13, с. 245]. Естественно, надеяться на позитивные результаты такого диалога не приходилось. В результате нарушалось поступление в казну пушнины, что, несомненно, тревожило власти.

«Работа» переводчика в XVII в. в сибирских условиях была опасна, особенно для «ренегатов» новокрещеных. Вынужденные исполнять обязанности толмачей, они подвергались большому риску. Народы, ранее не видевшие казаков и не имевшие представления о механизмах государственного устройства, воспринимали толмачей как врагов, посягавших на их территорию, ресурсы и, наконец, жизнь.

Из якутских документов следует, что в 1652 г. был убит толмач Демка [12, с. 336]. Служивший в Якутии толмач Дунай Петров в 1634 г., исполняя свои обязанности, был неоднократно ранен, а в 1637 г. убит [10, с. 209–243]. Во время волнения бурят 1658 г. Иван Похабов сообщал, что буряты откочевали в Монголию, убив толмача Ивана Байкала [14, с. 220]. В 1680-х гг. был ранен монголами селенгинский толмач Клим Турчанинов [13, с. 245, 364], в районе Верхней Тунгуски в 1628 г. был убит толмач Кузьма Семенов [10, с. 172]. И это – лишь малая толика случаев насилия над толмачами.

Сибирская администрация крайне нуждалась в переводчиках с языков коренных сибирских народов, всячески их поощряла, однако испытывала к ним обоснованное недоверие. Отмечены прецеденты, связанные с «изменой» толмачей.

Вокрещенный толмач Алексей, в 1660-е гг. исполнявший службу в Телебинском остроге, будучи в ясачных волостях, подговаривал тунгусов «идти войною под Нерчинский и под Телебинский остроги и побивать служилых людей», после чего откочевать в пределы Монголии [15, с. 327]. Похожее поведение продемонстрировал новокрещенный юкагирский толмач Иван Сидоров, действующий в бассейне р. Яны. Как следует из наказной воеводы Голенищева-Кутузова, толмач, оказавшись среди своих соплеменников «казаков де он колот и убежал с юкагирами к родникам своим» [Там же, с. 405]. В 1680-х гг. подобным образом поступил албазинский толмач, казак Любим Иванов. На нартах с государевой пушиной и с заложниками-аманатами толмач ушел от служилого отряда к тунгусам [16, с. 218].

Возвращение служилых толмачей, из числа коренного населения Сибири, к традиционному образу жизни не являлось экстраординарным событием, однако чаще это происходило в отдаленных регионах Сибири – в силу описанных выше причин, главной из которых являлась колоссальная разница сложившихся культур.

При всем несовершенстве создаваемой системы обратной связи между колонистами и аборигенами, переводчики на огромной полиязычной территории Сибири служили необходимым связующим звеном между пришлым и коренным населением. Справедливо принято считать, что торговля неизбежно втягивала людей в сферу общения. При этом прагматизм часто брал верх над сложившимися культурными установками. Необходимыми участниками торгового обмена оказывались толмачи. В Таре при гостинном дворе в 1637 г. работал переводчиком В. Семенов [8, с. 90]. Толмачи, обслуживающие гостинные дворы и разного рода торговища, были в каждом сибирском городе. В начале 1630-х гг. к Томску подходили представители южных народов, «черные и белые калмаки», как правило, с табунами лошадей для торгового обмена их на «русские товары». Местный воевода «...посылал на калмацкое торговище за Томь реку» служилый людей и толмачей для совершения торговых сделок. Находясь в военном походе в районе Алтая казак, толмач Михаил Рожнев приобрел путем обмена лисью шубу, сумев «договориться» с врагами⁶.

В середине века не раз был послан для осуществления торговли с городами Средней Азии и Китая толмач из Томска Ермамет Шагалаков [8, с. 228–230]. Воеводский наказ от 1699 г. предписывал «...быть толмачу, чтобы повольно торговать, и сколько доведется и с сколько рублей десятые или рублевые пошлины взять было ему ведомо, а без толмача отнюдь бы целовальники с служилых людей и бухарцев пошлин не имели и торгу не давали» [17, с. 527]. Таким образом,

«торговым» переводчикам необходимо было знать основы таможенного делопроизводства.

Можно достаточно долго перечислять факты использования толмачей в процессе колонизации Сибири. Осуществляли толмачи и разведывательные функции, замечая подчас настроения и намерения народов, которые были недоступны для понимания русскоговорящих казаков. Нечто подобное зафиксировано в отписке Ерофея Хабарова за 1652 г. на Амуре, когда толмачи случайно услышали от правителя местных аборигенов приказ: «не жгите и не рубите казаков, емлите их казаков живьем». Тут же казаками были приняты соответствующие обстоятельства меры [12, с. 365].

Знакомясь, вначале через посредников-переводчиков, с новым языком, коренное население постигало азы русской речи. Сначала это были отдельные слова и предложения, но постепенно активные и мобильные слои аборигенов получали элементарные знания о языке, пригодные для общения. Это был длительный, но поступательный процесс, в результате приведший к тому, что язык колонистов становился языком межэтнического общения. Естественно, не все слои автохтонного населения в равной степени усваивали чуждый язык, но родовая элита, «лучшие люди» со временем были готовы к диалогу с русскими.

Процесс колонизации Сибири являлся многолетней борьбой за территории, богатые природными ресурсами. Основная сложность этого трудоемкого процесса заключалась в том, что огромная территория была населена различными этносами, находившимися на разных стадиях социального развития. Каждый народ отстаивал свою территорию, имея свое самобытное мировоззрение.

Колонизация огромного пространства за Уралом ставила перед царским правительством множество сложных задач, связанных в первую очередь с преодолением сопротивления автохтонных жителей новых территорий. По образному определению этнолога А.В. Головнева, территория является «вместилищем» («телом») народа в естественно-географической среде, тогда как язык можно рассматривать как «дух» народа [18, с. 71]. Включение Сибири в систему русской государственности подразумевало подчинение автохтонного населения сложившимся на Руси нормам «духа и тела». Однако если территориальные вопросы могли быть решены силовыми методами, то «дух народа» необходимо было склонять на свою сторону иными средствами. Путь к диалогу должны были обеспечивать толмачи, являясь проводниками государственных установок.

Относительно быстро подверглись колонизации северные регионы Западной Сибири. Из ранних источников известно, что пути за Урал были освоены новгородцами задолго до похода Ермака. Это подтверждается и исследованиями в области языкознания [19, с. 74]. Контакты с народами уральского и зауральского севера в XIV–XV вв. носили спорадический и кратковременный характер, однако они давали представление об устройстве Русского государства. Этого «ознакомительного периода» были лишены многие этносы северо-восточной части Сибири, а также тундровые ненцы,

⁶ РГАДА. Ф. 214. Д. 819. Л. 9–10, 17 об.

с которыми так же сложно складывались отношения у колонистов. Большое, если не определяющее значение имело социальное развитие вступающих в контакт этносов, наличие у народов военно-потестарной организации или предпосылок к созданию таковой.

Народы, населявшие отдельные территории Сибири, реагировали на подчинение «русскому царю» неоднозначно. Везде имела своя специфика, поэтому было бы неверно рассматривать колонизацию Сибири как единый, однородный процесс. Соответственно, и деятельность сибирских толмачей в разных регионах в различные промежутки времени отличалась по своим задачам и методам работы.

То обстоятельство, что толмачи были востребованы самой жизнью колонистов, подтверждают данные ономастики. Фамилия «Толмачев» прочно закрепилась в словарном обиходе русских переселенцев. Толмачи-переводчики являлись необходимым и незаменимым элементом в осуществлении межэтнического общения в Сибири и на прилегающих к ней территориях Центральной Азии.

Автор выражает благодарность чл.-кор. РАН А.Е. Аникину за консультацию в ходе работы над статьей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Таллинн, 1993. Т. 3.
2. *Воевода Е.В.* Распространение иностранных языков в Московском государстве в XIV–XVI веках // *Вест. Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Педагогика.* 2009. № 2.
3. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. СПб., 1853. Т. 5.
4. *Каменецкий И.П.* Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в. Омск, 2005.
5. *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1989.
6. *Миллер Г.-Ф.* История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2.
7. *Кузнецов-Красноярский И.П.* Томский сын боярский Федор Протопопов. Томск, 1891.
8. Русско-монгольские отношения. 1636–1654 гг. : сб. док. М., 1974.
9. *Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. Абакан, 1995.
10. *Миллер Г.-Ф.* История Сибири. М., 2005. Т. 3.
11. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. СПб., 1859. Т. 7.
12. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. СПб., 1848. Т. 3.
13. Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы в 2 т. М., 1973. Т. 2: 1686–1691 гг.
14. Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1.
15. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. СПб., 1851. Т. 4.
16. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. СПб., 1869. Т. 11.
17. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1842. Т. 5: 1676–1700 гг.
18. *Головнев А.В.* Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
19. *Аникин А.Е.* Из лексического комментария к русской колонизации Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2000. № 4.